

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.096-105

С. Г. Коновалов

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация

Исключение доказательств, собранных с нарушением личных прав: поиск концептуальной основы

Резюме. Автор рассматривает концепции, преследующие цель объяснить, почему доказательства, собранные с нарушением личных прав, должны исключаться, даже ценой истинности приговора. Выделяются четыре теории: 1) теория дисциплинирования органов расследования; 2) теория поддержания легитимности процесса; 3) теория полной защиты личных прав и 4) теория аннулирования несправедливых преимуществ. Отмечается, что первые две концепции не могут обосновать, почему исключение доказательств — лучшее решение. Классический способ дисциплинирования нарушителей — юридическая ответственность. При этом порицание неправомерных действий вполне может быть выражено в частном постановлении суда. Важно учитывать и риск обратного эффекта от исключения доказательств: нарушители могут не только не воспитываться, но и чувствовать себя безнаказанными, а легитимность правосудия может быть подорвана сознательным отходом от истины (оправданием виновного и наоборот). Объяснительная сила альтернативных теорий выше, но их действие ограничено строгими рамками. Автор приходит к выводу, что исключение доказательств не может служить ни универсальным инструментом, ни оптимальным способом защиты личных прав в уголовном процессе.

Ключевые слова: доказательства; уголовный процесс; права человека; личные права; исключение; допустимость; недопустимость

Для цитирования: Коновалов С. Г. Исключение доказательств, собранных с нарушением личных прав: поиск концептуальной основы. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 8. С. 96–105. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.096-105

Exclusion of Evidence Collected in Violation of Personal Rights: In Search of a Conceptual Framework

Sergey G. Kononov

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Abstract. The author explores concepts aimed at explaining why evidence collected in violation of personal rights should be excluded, even at the cost of the truth of the verdict. Four theories stand out: 1) the theory of disciplining investigative bodies; 2) the theory of maintaining the legitimacy of the process; 3) the theory of the full protection of personal rights and 4) the theory of the annulment of unfair advantages. It is noted that the first two concepts cannot justify why excluding evidence is the best solution. The classic way to discipline violators is through legal liability. At the same time, the condemnation of illegal actions may well be expressed in a private court decision. It is also important to consider the risk of a backlash effect resulting from the exclusion of evidence: offenders may not only fail to be deterred but may also feel impunity, and the legitimacy of justice may be undermined by a deliberate departure from the truth (by acquitting the guilty or, conversely, convicting the innocent). The explanatory power of alternative theories is higher, but their action is limited by strict limits. The author concludes that the exclusion of evidence cannot be either a universal tool or an optimal way to protect personal rights in criminal proceedings.

© Коновалов С. Г., 2026

Keywords: evidence; criminal procedure; human rights; personal rights; exclusion; permissibility; inadmissibility
Cite as: Konovalov SG. Exclusion of Evidence Collected in Violation of Personal Rights: In Search of a Conceptual Framework. *Lex russica*. 2026;79(8):96-105. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.096-105

Введение

Приступая к рассуждению об исключении доказательств, для начала стоит определиться с понятиями. Дело в том, что в сравнительно-правовой перспективе сам термин «исключение доказательств» не универсален. При всей его привычности для нашего права он всё же прежде всего характерен для англосаксонских правовых порядков. Именно там обсуждение качества доказательств связано с учением об их *допустимости* (англ. *admissibility*) и возможности их исключения (англ. *exclusion*)¹. Присутствие же этих понятий в российской правовой лексике², по-видимому, обусловлено тем влиянием, которое английская юриспруденция оказывала на дореволюционную теорию доказательств³, а американское право — на наше современное уголовно-процессуальное законодательство⁴.

При этом традиции, присущие европейскому континенту, выглядят несколько иначе. Так, французское право предпочитает рассуждать не столько о самих доказательствах, сколько о действиях и решениях, направленных на их собирание. В установленных случаях суд вправе констатировать их *недействительность* (фр. *nullité*), вследствие чего собранная информация теряет доказательственное значение⁵. Немецкие же авторы традиционно прибегают к концепции запретов на использование доказательств (нем. *Beweisverwertungsverbote*)⁶.

Так или иначе, важно понимать, что при всем разнообразии существующих понятий и механизмов речь идет о вполне универсальной проблеме.

Ясно, что в любой стране органы расследования заинтересованы в том, чтобы максимально быстро и полно раскрывать обстоятельства уголовных дел. Очевидно также, что самые быстрые и эффективные методы сбора информации — это методы репрессивные, т.е. вступающие в конфликт с правами и свободами граждан. Поэтому законодатель любой страны вынужден строить сбалансированную процедуру, которая, с одной стороны, разрешает вторжение в права (поскольку на кону стоят весомые интересы), а с другой стороны, предоставляет гарантии их защиты.

Например, мы едва ли найдем хоть одно государство с абсолютным запретом на обыск жилища. Однако в современном праве это следственное действие будет непременно окружено множеством защитных барьеров: обязанностью конкретизации и обоснования, судебным контролем *ex ante*, присутствием владельца и понятых и т.д.

Но в таких условиях неизбежно встает вопрос: как быть, если орган расследования злоупотребит данной ему властью и нарушит гарантии или пределы репрессии, установленные законом? Собственно, одним из ответов на него и стала рассматриваемая здесь идея.

Как уже было сказано, формулироваться она может по-разному. Различные правовые порядки используют разные термины и механизмы. Однако за ними стоит общий посыл: доказательства, полученные с нарушением личных прав, обычно не могут быть положены в основу приговора. Именно эта универсальная идея будет рассмотрена далее. Рассуждая о ней, будем для краткости применять термин «исключение

¹ См., например: *Monaghan N. Law of Evidence*. Cambridge, 2015. P. 2.

² Оба этих понятия встречаются уже в дореволюционной монографии Л. Е. Владимирова. См.: *Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах*. Тула, 2000. С. 125, 375.

³ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2025. С. 335.

А. Я. Вышинский и вовсе называл дореволюционных ученых поклонниками английского доказательственного права. См.: *Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве*. М., 1950. С. 125.

⁴ См. об этом: *Spence M. J. The Complexity of Success: the U. S. Role in Russian Rule of Law Reform* // *Carnegie Papers*. 2005. № 60. P. 1–19.

⁵ См. подробнее: *Pradel J. France: Procedural Nullities and Exclusion* // *Exclusionary Rules in Comparative Law* / ed. by S. C. Thaman. Springer, 2013. P. 145–160.

⁶ См., например: *Ambos K. Beweisverwertungsverbote*. Berlin, 2010.

доказательств» как наиболее привычный для российского читателя.

Развитие идеи

Для европейского континента рассматриваемая идея в некотором смысле традиционна. Как известно, инквизиционный процесс строился на строгих правилах доказывания, нарушение которых довольно часто приводило к исключению доказательств⁷. Что особенно важно, эти правила защищали не только достоверность приговора, но и другие ценности, включая права обвиняемого⁸.

Так, М. Дамаска обращает внимание на одно громкое уголовное дело, имевшее место в XVI в. в Италии. Гражданин, обвиняемый в убийстве при отягчающих обстоятельствах, был незаконно подвергнут пытке. Получив его признание, суд постановил обвинительный приговор, который впоследствии был обжалован. В защиту обвиняемого выступил Просперо Фариначчи, один из виднейших юристов того времени. Его центральным аргументом, основанным на множестве авторитетных источников, стал тезис о том, что суд не может опираться на доказательства, полученные с нарушением «естественных прав» человека⁹.

Впоследствии инквизиционный процесс претерпел кризис, и в XIX в. господствующим принципом стала свободная оценка доказательств. Как итог, доказывание стало менее формализованным¹⁰. Однако идея исключения доказательств забыта не была. Разумеется, главной целью этого института по-прежнему оставалось обеспечение достоверности приговора. Отступление от строгой процессуальной формы рассматривалось прежде всего как посягатель-

ство на материальную истину. Тем не менее доктрина, как и прежде, настаивала на непригодности доказательств, посягающих на иные, более значимые ценности. Как писал Г. А. Цахариэ, «исследование материальной истины настолько должно иметь место, насколько это совместимо с другими правовыми и моральными требованиями»¹¹.

Что касается англосаксонского права, для него долгое время был характерен иной подход. Хотя сам инструмент исключения доказательств не только существовал, но и до сих пор часто считается визитной карточкой англо-американского уголовного процесса¹², его применение преследовало цели, не связанные с защитой личных прав. Еще в начале XX в. Дж. Уигмор, один из крупнейших теоретиков доказательственного права в США, указывал, что незаконность собирания доказательств не может влиять на их допустимость. При этом он поддерживал данное правило, называя его давним установлением и особо подчеркивая, что оно вовсе не оправдывает нарушение, а лишь настаивает на его игнорировании в интересах правосудия¹³.

Впрочем, в XX в. разрыв между континентальной и англосаксонской традицией был преодолен. Сегодня подход, согласно которому незаконность вторжения в сферу личных прав способна повлечь исключение доказательств, распространился повсеместно. Законодатели и суды по всему миру вынуждены «“баланси-ровать”, т.е. выносить ценностные суждения, лавируя между Сциллой основных или конституционных прав и Харибдой истины и достоверности в уголовных делах»¹⁴. Когда суд исключает результаты обыска, проведенного без санкции суда, он делает это не ради истины, и

⁷ *Damaška M. R. Evidence Law Adrift. Yale University Press, 1997. P. 13.*

⁸ Как отмечает К. Пеннингтон, именно средневековые юристы впервые обосновали идею надлежащей правовой процедуры (due process), заключающую в себе особую заботу о правах обвиняемого. При этом суды Средневековья «придерживались этого принципа... более строго, чем современные американские и большинство европейских судов» (*The History of Courts and Procedure in Medieval Canon Law / ed. by W. Hartmann, K. Pennington. Washington, 2016. P. 4.*).

⁹ *Damaška M. R. Evidence Law Adrift. P. 13–14.*

¹⁰ Например, российские судебные уставы основывались на том, что «убеждение не знает других законов, кроме указаний разума и внушений совести» (*Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1910. С. 189.*).

¹¹ Цит. по: *Владимиров Л. Е. Указ. соч. С. 125.*

¹² См. об этом: *Damaška M. R. Evidence Law Adrift. P. 12.*

¹³ *Wigmore J. H. A Treatise on the System of Evidence in Trials at Common Law. Vol. III. Toronto, 1905. P. 2955.*

¹⁴ *Thaman S. C. Balancing Truth Against Human Rights: A Theory of Modern Exclusionary Rules // Exclusionary Rules in Comparative Law. P. 408.*

даже часто вопреки ей, по той лишь причине, что орган расследования нарушил неприкосновенность частной жизни¹⁵.

В России этот подход получил законодательную поддержку на самом высоком уровне. Согласно ч. 2 ст. 50 Конституции, при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона¹⁶. Как итог, для российского юриста идея исключения доказательств, собранных с нарушением личных прав, часто выглядит не просто привычной, но и само собой разумеющейся¹⁷.

Однако здесь есть одна очевидная проблема. Иногда исключенные доказательства имеют решающее значение для обоснования вины. И тогда суд бывает вынужден оправдать того, кто в действительности совершил преступление¹⁸. При этом в оправдательном приговоре непременно констатируется невиновность обвиняемого, которому дается полное право на реабилитацию¹⁹. Как однажды метко выразился американский судья и правовед Б. Кардозо, порою «преступник должен быть освобожден, поскольку констебль допустил ошибку»²⁰.

В такой ситуации ни о какой самоочевидности правила об исключении доказательств говорить не приходится. За ним должна стоять концепция, внятно объясняющая, почему мы должны не просто наказывать следователя и возмещать обвиняемому ущерб, но еще и жертвовать истиной, исключая достоверную информацию.

Теория дисциплинирования органов расследования

Сегодня существует несколько концепций, объясняющих возможность исключения доказательств, полученных с нарушением личных прав. Первая и, пожалуй, самая известная из них — это теория дисциплинирования органов расследования. Ее сторонники исходят из того, что исключение доказательств — лучший способ отучить органы расследования от нарушения закона. Поскольку каждый человек ценит свой труд и бережно относится к его плодам, бороться с беззаконием можно и нужно путем «признания бесплодности, никчемности затраченных усилий. Только так можно возродить, сохранить и приумножить у практических работников чувство величайшей ответственности за честь, здоровье и жизнь людей, оказавшихся в орбите правоохранительной деятельности»²¹.

В свое время эта теория стала «доминирующим аргументом в пользу правила об исключении доказательств» в американском праве, поскольку она особо полюбилась Верховному суду США. В его решениях не раз звучала мысль о том, что это правило существует только для предотвращения нарушений²².

Впрочем, сегодня даже в американском контексте этот тезис звучит довольно спорно. Признав, что правило об исключении имеет «дорогостоящие последствия для установления истины», Верховный суд США в конце концов пришел к тому, что оно должно быть «крайней

¹⁵ Как пишет К. Рогаль, «сегодня общепризнано, что запреты на сбор доказательств ограничивают обязанность и возможность установления истины в целях защиты интересов, которые законодатель ставит выше интересов уголовного преследования» (*Rogall K. Gegenwärtiger Stand und Entwicklungstendenzen der Lehre von den strafprozessualen Beweisverboten // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1979. Н. 1. С. 8*). В этом же ключе см.: *Кипнис Н. М.* Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. С. 79–80.

¹⁶ Подобная норма еще в апреле 1992 г. была включена в текст Конституции 1978 г. В финальной редакции ст. 65 указывалось, что доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы.

¹⁷ Заметим, что вне постсоветского пространства правило об исключении редко формулируется столь широко и категорично (см.: *Thaman S. C.* Op. cit. P. 441).

¹⁸ Как отмечает М. Дамаска, гипотетически возможна и обратная ситуация: суд убежден в невиновности обвиняемого, но совокупность доказательств, оставшаяся после процедуры исключения, указывает на виновность (*Damaška M.* Evaluation of Evidence. Cambridge, 2019. P. 124).

¹⁹ *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 208–211.

²⁰ *People v. Defore*, 242 N. Y. 13, 21 (1926) // URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/3599253/people-v-defore/> (дата обращения: 15.02.2026).

²¹ *Савицкий В. М.* Перед судом присяжных: виновен или невиновен? М., 1995. С. 78.

²² *Jackson J. D., Summers S. J.* The Internationalisation of Criminal Evidence. Cambridge, 2012. P. 154.

мерой», подлежащей тесту на соразмерность²³. Но можно ли эффективно воспитывать полицию, лишь изредка реагируя на ее нарушения?

Кроме того, не секрет, что в наши дни подавляющее большинство приговоров в США основано на сделках²⁴. И хотя риск исключения доказательств в теории может стать предметом торга, сам факт неизбежности обвинительного приговора и отсутствия нормальной судебной процедуры в случае признания вины делает дисциплинирующий эффект еще более эфемерным.

Что же касается континентальной уголовно-процессуальной традиции, для нее идея воспитания правоохранительных органов посредством исключения незаконно добытых доказательств выглядит еще более проблематичной. Как отмечает немецкий исследователь К. Роксин, для стран, придающих особое значение идее материальной истины, подобные «воспитательные меры» смотрятся совсем уж странно²⁵. Хотя несомненно, что ни одно общество не хочет терпеть беззаконие со стороны органов расследования, не менее очевидно, что любое общество заинтересовано в справедливом наказании всех преступников.

В общем, воспитывать нерадивых сотрудников, безусловно, нужно, но для этого существуют и более традиционные механизмы, такие как меры дисциплинарной (а иногда и уголовной) ответственности, а также институт частных постановлений (ч. 4 ст. 29 УПК РФ)²⁶. При этом защита нарушенных прав граждан должна обеспечиваться разумной компенсацией причиненного вреда.

В контексте критики теории дисциплинирования весьма примечательной кажется дискуссия, непосредственным участником которой стал автор этих строк. В ноябре 2025 г. в стенах юридического факультета МГУ состоялась конференция, посвященная столкновению права силы и силы права. После доклада, ключевые тезисы которого легли в основу данной статьи, со стороны одного из коллег, имеющих отно-

шение к правоохранительной деятельности, прозвучал любопытный комментарий. Как оказалось, моего визави смутило упоминание дисциплинарной ответственности. По его мнению, наказание не самых законопослушных сотрудников приведет к тому, что «все разбегутся».

Если задуматься, то это замечание звучит иронично. Выходит, что в реальности исключение доказательств может не только не восприниматься следователями как мера дисциплинирующего воздействия, но и, напротив, превратиться в своеобразный щит, отгораживающий их от ответственности за свои проступки. Дескать, если есть нарушение, исключайте доказательства, а нас не трогайте. Пожалуй, это еще один весомый довод против рассматриваемой теории.

Теория поддержания легитимности процесса

Вторую популярную теорию лучше всего описывает знаменитый вопрос Чацкого: «А судьи кто?» Есть ли моральное право преследовать нарушителей закона у системы, терпимой к собственным нарушениям? И будут ли граждане уважать чужие права, если главный защитник их прав относится к ним без должного уважения?

Здесь уместно вновь процитировать Верховный суд США: «Преступник останется на свободе, если так будет нужно, но в этом случае освободит его именно закон. Ничто не может разрушить государство быстрее, чем нарушение им своих собственных законов или, что еще хуже, пренебрежение основами своего собственного существования... Государство — могущественный, вездесущий учитель. Весь народ учится на его примере, будь он добрым или дурным... Становясь нарушителем закона, государство порождает презрение к закону... [и] призывает к анархии»²⁷.

Разумеется, непосредственным нарушителем прав в интересующей нас ситуации высту-

²³ Thaman S. C. Op. cit. P. 430.

²⁴ См., например: Weiser B. Trial by Jury, a Hallowed American Right, Is Vanishing // URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/08/nyregion/jury-trials-vanish-and-justice-is-served-behind-closed-doors.html> (дата обращения: 15.02.2026).

²⁵ Roxin C. Strafverfahrensrecht. München, 2012. S. 172.

²⁶ Главная цель этого механизма, потенциал которого явно недооценен судебной практикой, как раз и состоит в открытом выражении отношения суда к нарушению закона и строгом напоминании нарушителю о необходимости правомерного поведения.

²⁷ Mapp v. Ohio, 367 U.S. 659 (1961) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/367/643/> (дата обращения: 15.02.2026).

пает не суд, а орган расследования. Но важно ли это? — По мнению О. Холмса, нет. Запрещающая вторжение в личные права, закон запрещает и попустительство со стороны суда²⁸. Еще категоричней по этому поводу выразился Ф. Франкфуртер: если доказательства получены с «вопиющим пренебрежением процедурой», принявший их судья «сам становится соучастником умышленного неповиновения закону»²⁹.

Если эта логика верна, выходит, что механизм исключения доказательств поддерживает легитимность всей системы правосудия³⁰. И на первый взгляд кажется, что это действительно так, особенно в ситуации не просто незаконного, а преступного вторжения в права. Разве может суд принять показания, полученные под пыткой? Как можно уважать борца с преступностью, покрывающего преступления?

Однако эта концепция страдает всё от того же недостатка. Подобно теории дисциплинирования, она не объясняет, почему исключение доказательств — единственный или лучший инструмент для поддержания легитимности. Представим, что судья принял спорное доказательство, но всё же выразил свой протест против нарушения, направив частное постановление в адрес следователя. Допустим, что следователь потом был наказан. Можно ли утверждать, что легитимность правосудия и уважение к закону были подорваны? К тому же встает вопрос, насколько легитимно правосудие, осознанно оставляющее преступников без наказания³¹.

В общем, «конечно, суды всегда должны заботиться о справедливости (the integrity) судебного разбирательства, но эта забота имеет ограниченную силу как аргумент, оправдывающий

исключение доказательств с высоким доказательственным значением»³².

Теория полной защиты личных прав

Эта теория строится на том, что ущемление прав гражданина не заканчивается в тот момент, когда доказательства собраны. Допустить их использование в суде — значит возобновить и продолжить нарушение.

Обосновывая эту идею, К. Рогаль приводит довольно убедительный и притом вполне жизненный пример³³. Представим, что свидетель, не осведомленный о существовании свидетельской привилегии, дал показания против своей супруги. Очевидно, что наибольший ущерб правам гражданина причинит не столько получение, сколько использование этих показаний в суде. Ведь именно осуждения лица исходя из принудительных показаний его супруга стремится избежать законодатель.

Тем не менее остается вопрос, как быть с теми многочисленными ситуациями, когда нарушение прав прекращается одновременно с собиранием доказательств. Например, когда лицо, обязанное давать показания, было допрошено под пыткой.

Сам К. Рогаль отрицает реальность этой проблемы. Он утверждает, что судья, использующий подобные доказательства, «увечковечил и утвердил» бы нарушение прав, совершенное другими органами и, как следствие, сам совершил бы дальнейшее нарушение прав»³⁴. Кроме того, раз защита прав в уголовном процессе обусловлена тем, что истина не может достигаться ценой их нарушения, значит, доказательства,

²⁸ Olmstead v. United States, 277 U.S. 470 (1928) (Dissenting opinion) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/277/438/> (дата обращения: 15.02.2026).

²⁹ McNabb v. United States, 318 U.S. 345 (1943) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/318/332/> (дата обращения: 15.02.2026).

³⁰ В науке предлагались и другие объяснения того, почему суд не должен мириться с нарушениями при собирании доказательств. Например, утверждалось, что иной подход лишал бы государство ореола морального превосходства или что сам подсудимый, видя произвол властей, не смог бы почувствовать всю низость своего деяния (см. об этом: Schröder S. Beweisverwertungsverbote und die Hypothese rechtmäßiger Beweiserlangung im Strafprozeß. Berlin, 1992. S. 31). Однако эти соображения едва ли требуют отдельного рассмотрения, поскольку в целом они также укладываются в логику идеи поддержания легитимности.

³¹ Rogall K. Op. cit. S. 14.

³² Stone v. Powell, 428 U.S. 485 (1976) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/428/465/> (дата обращения: 15.02.2026).

³³ Rogall K. Op. cit. S. 17.

³⁴ Rogall K. Op. cit. S. 20.

добытые порочным путем, не могут приниматься судом. В противном случае получилось бы, что путь, пройденный для достижения истины, все-таки содержал бы в себе запрещенные методы³⁵.

Эти аргументы едва ли можно признать убедительными. Тезис об «увечивании и утверждении» мало чем отличается от отвергнутых ранее соображений о «соучастии» суда в чужом нарушении. Его негативная реакция на нарушение в виде частного постановления о недопустимости незаконных действий вполне решает эту проблему.

Что касается аргумента о запрете достигать истины любой ценой, он имел бы вес, если бы путь достижения истины был автономной ценностью в глазах законодателя. Однако очевидно, что, когда уголовно-процессуальный закон гарантирует неприкосновенность жилища, тайну переписки и т.д., он заботится не о процессуальной форме как таковой, а о правах граждан. Соответственно, в ситуации, когда использование доказательств само по себе не нарушает ничьи права, суд едва ли можно обвинить в беспринципном движении к истине. В конце концов, как верно заметил К. Роксин, «запрет на использование доказательств не возместит причиненный ущерб и никому не принесет дополнительной пользы»³⁶. Другими словами, для защиты прав он бесполезен.

Таким образом, хотя эта концепция и имеет определенный потенциал, она в лучшем случае способна обосновать довольно узкое применение института исключения доказательств.

Теория аннулирования несправедливых преимуществ

Четвертая концепция, названная мною теорией аннулирования несправедливых преимуществ, отчасти перекликается с предыдущей. В каком-то смысле она также исходит из того,

что истина не может достигаться ценой нарушенных прав³⁷, однако акценты здесь расставлены иначе.

Суть этой теории в том, что информация, добытая через нарушение прав обвиняемого, не должна становиться оружием против него. Превращать ее в преимущество стороны обвинения было бы крайне несправедливо. Иначе говоря, проблема допуска незаконно собранных доказательств — не в способах поиска истины, а в способах уличения обвиняемого. Их использование усугубляет не нарушение прав как таковое, а положение уже и так уязвленного гражданина.

Вот как об этом пишет один из вдохновителей этой теории Э. Эшворт: «Если правовая система устанавливает определенные стандарты проведения уголовного расследования... можно утверждать, что граждане имеют соответствующие права на предоставление им определенных благоприятных условий... Если правовая система должна уважать эти права, то можно утверждать, что подозреваемый, права которого были нарушены, не должен оказываться из-за этого в невыгодном положении... То есть доказательства, полученные субъектом расследования в результате нарушения, не должны использоваться против подозреваемого. И надлежащий способ обеспечить, чтобы подозреваемый не был поставлен в то самое невыгодное положение, — это предоставление суду полномочия исключать доказательства, полученные неправомерными методами»³⁸.

Как видим, эта теория также имеет ограниченное применение. Речь в ней идет лишь о вторжении в права самого обвиняемого. Если же нарушение коснулось прав других лиц (допустим, свидетеля), то применимость данной концепции сомнительна³⁹.

Кроме того, у нее есть один серьезный внутренний недостаток. Говорить о преимуществе, полученном в результате нарушения, можно лишь в том случае, если без нарушения эта ин-

³⁵ Rogall K. Op. cit. S. 21.

³⁶ Roxin C. Strafprozeßrecht: Prüfe dein Wissen. München, 1982. S. 249.

³⁷ Поэтому ее даже называют теорией прав (rights theory) или защитным принципом (protective principle). См.: Jackson J. D., Summers S. J. Op. cit. P. 155; Ashworth A. Excluding Evidence as Protecting Rights // Criminal Law Review. 1977. P. 723–735.

³⁸ Цит. по: Roberts P. Excluding Evidence as Protecting Constitutional or Human Rights? // Principles and Values in Criminal Law and Criminal Justice: Essays in honour of Andrew Ashworth / ed. by L. Zedner, J. V. Roberts. Oxford, 2012. P. 174.

³⁹ Это роднит ее со знаменитой немецкой теорией правовой сферы. См. о ней: Филимонов Б. А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. М., 1994. С. 68–73.

формация не была бы добыта. Проблема, однако, в том, что обычно мы не можем достоверно этого знать. Как гласит известный афоризм, история не терпит сослагательного наклонения⁴⁰. И хотя это утверждение не стоит понимать слишком строго⁴¹, ясно, что после получения некоей информации сложно категорично заявлять, что без нарушения она никогда и никак не была бы собрана. Мы не имеем возможности это проверить, поскольку к состоянию неведения, существовавшему до нарушения, нам уже не вернуться. «Скрытые обстоятельства или тайны всегда раскрываются безвозвратно»⁴².

Например, если следователь вопреки закону провел обыск без санкции суда, мы не можем быть уверены, что в случае обращения в суд разрешение не было бы получено. Как отмечает С. Шрёдер, в итоге на практике («почти») любая погрешность в расследовании, которая «сама по себе» привела бы к запрету на использование доказательств, может, если судья сочтет это приемлемым, быть отброшена одной простой фразой: «Теоретически можно было бы сделать всё законно»⁴³. И действительно, во многих правовых порядках в том или ином виде существует возможность защитить доказатель-

ство от исключения, сославшись на гипотезу о его возможном правомерном собирании⁴⁴.

Заключение

Не претендуя на окончательный и детальный характер этого обзора⁴⁵, заметим, что поиск безупречной концептуальной основы для исключения доказательств, полученных с нарушением личных прав, раз за разом заводит нас в тупик.

Это объясняет, почему данный институт, несмотря на стремительный взлет в середине XX в., впоследствии стал терять свои позиции⁴⁶. Неудивительно также, что ни ученые, ни судьи не могут прийти хоть к какому-то консенсусу относительно того, какие нарушения считать существенными (т.е. достаточными для исключения), а также должно ли, и если да, то насколько широко, применяться правило плодов отравленного дерева⁴⁷. И совсем уж показательно, что Европейский Суд по правам человека, будучи одним из гарантов личных прав, всё же во многих случаях старательно воздерживается от суждений о допустимости неправомерно полученных доказательств⁴⁸.

⁴⁰ Или, как говорил историк К. Хампе, «история не знает никаких “если”» (*die Geschichte kennt kein Wenn*). Цит. по: *Demandt A. Ungeschehene Geschichte. Ein Traktat über die Frage: Was wäre geschehen, wenn...?* Berlin, 2010. S. 16.

⁴¹ По мнению немецкого историка А. Демандта, «историческое воображение, ограниченное правилами вероятности», всё же бывает полезным. «Размышление о несостоявшейся истории, несмотря на понятные сомнения, необходимо, несмотря на значительные трудности, возможно и имеет познавательную ценность для осмысления произошедшей истории». *Demandt A. Op. cit. S. 16.*

⁴² *Rogall K. Op. cit. S. 19.*

⁴³ *Schröder S. Op. cit. S. 23.*

В монографии автор цитаты выдвигает ряд идей, направленных на более сдержанное и менее субъективное применение ссылок на «гипотетически возможные законные пути».

⁴⁴ *Schröder S. Op. cit. S. 16–17.*

⁴⁵ Представленная классификация является авторской. В научной литературе предлагались и иные попытки систематизации теорий с упоминанием некоторых других подходов (см., например: *Rogall K. Op. cit. S. 12–16*; *Schröder S. Op. cit. S. 28–36*; *Jackson J. D., Summers S. J. Op. cit. P. 153–158*). И всё же думается, что эти подходы в целом вписываются в рамки четырех обозначенных теорий.

⁴⁶ Напомню, что Верховный суд США после волны решений, закладывавших, как казалось, широкий подход к исключению доказательств, в итоге пришел к тому, что оно должно быть «крайней мерой» (что иронично, Суд утверждал, что так «было всегда») (см.: *Hudson v. Michigan*, 547 U.S. 591 (2006) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/547/586/> (дата обращения: 15.02.2026)). Как отмечает М. Каммак, сегодня мы можем быть свидетелями «почти полной деконституционализации правила об исключении доказательств» (*Cammack M. E. The United States: The Rise and Fall of the Constitutional Exclusionary Rule // Exclusionary Rules in Comparative Law. P. 31*).

⁴⁷ Как указывает К. Рогаль, осмысленные ответы на эти вопросы «можно будет дать лишь после того, как будет объяснена функция запретов на использование доказательств» (*Rogall K. Op. cit. S. 12*).

⁴⁸ *Ölçer F. P. The European Court of Human Rights: The Fair Trial Analysis Under Article 6 of the European Convention of Human Rights // Exclusionary Rules in Comparative Law. P. 373–375.*

Можно резюмировать, что по крайней мере на данный момент исключение незаконно собранных доказательств все-таки не может быть ни универсальным инструментом, ни оптимальным способом защиты личных прав в уголовном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. 464 с.
- Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. 308 с.
- Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. 128 с.
- Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2025. 1041 с.
- Савицкий В. М. Перед судом присяжных: виновен или невиновен? М., 1995. 92 с.
- Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. 384 с.
- Филимонов Б. А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. М., 1994. 157 с.
- Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1910. 573 с.
- Ambos K. Beweisverwertungsverbote. Berlin, 2010.
- Ashworth A. Excluding Evidence as Protecting Rights // *Criminal Law Review*. 1977. P. 723–735.
- Damaška M. Evaluation of Evidence. Cambridge, 2019.
- Damaška M. R. Evidence Law Adrift. Yale University Press, 1997.
- Demandt A. Ungeschehene Geschichte. Ein Traktat über die Frage: Was wäre geschehen, wenn...? Berlin, 2010.
- Exclusionary Rules in Comparative Law / ed. by S. C. Thaman. Springer, 2013.
- Jackson J. D., Summers S. J. The Internationalisation of Criminal Evidence. Cambridge, 2012.
- Monaghan N. Law of Evidence. Cambridge, 2015.
- Roberts P. Excluding Evidence as Protecting Constitutional or Human Rights? // *Principles and Values in Criminal Law and Criminal Justice: Essays in honour of Andrew Ashworth* / ed. by L. Zedner, J. V. Roberts. Oxford, 2012. P. 171–190.
- Rogall K. Gegenwärtiger Stand und Entwicklungstendenzen der Lehre von den strafprozessualen Beweisverboten // *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. 1979. H. 1. S. 1–44.
- Roxin C. Strafprozeßrecht: Prüfe dein Wissen. München, 1982.
- Roxin C. Strafverfahrensrecht. München, 2012.
- Schröder S. Beweisverwertungsverbote und die Hypothese rechtmäßiger Beweiserlangung im Strafprozeß. Berlin, 1992.
- Spence M. J. The Complexity of Success: the U. S. Role in Russian Rule of Law Reform // *Carnegie Papers*. 2005. № 60. P. 1–19.
- The History of Courts and Procedure in Medieval Canon Law / ed. by W. Hartmann, K. Pennington. Washington, 2016.
- Wigmore J. H. A Treatise on the System of Evidence in Trials at Common Law. Vol. III. Toronto, 1905.

REFERENCES

- Ambos K. Beweisverwertungsverbote. Berlin; 2010.
- Ashworth A. Excluding Evidence as Protecting Rights. *Criminal Law Review*. 1977:723-735.
- Damaška M. Evaluation of Evidence. Cambridge; 2019.
- Damaška MR. Evidence Law Adrift. Yale University Press; 1995.
- Demandt A. Ungeschehene Geschichte. Ein Traktat über die Frage: Was wäre geschehen, wenn...? Berlin; 2010.
- Filimonov BA. Foundations of the Theory of Evidence in German Criminal Proceedings. Moscow; 1994. (In Russ.).
- Foynitsky IYa. The course of the criminal proceedings. Vol. 2. St. Petersburg; 1910. (In Russ.).
- Golovko LV, (ed.). The course of criminal procedure. Moscow; 2025. (In Russ.).
- Hartmann W, Pennington K, (eds.). The History of Courts and Procedure in Medieval Canon Law. Washington; 2016.
- Jackson JD, Summers SJ. The Internationalisation of Criminal Evidence. Cambridge; 2012.

- Kipnis NM. The admissibility of evidence in criminal proceedings. Moscow; 1995. (In Russ.).
- Monaghan N. Law of Evidence. Cambridge; 2015.
- Roberts P. Excluding Evidence as Protecting Constitutional or Human Rights? Principles and Values in Criminal Law and Criminal Justice: Essays in honour of Andrew Ashworth. Zedner L, Roberts JV, (eds.). Oxford; 2012. P. 171–190.
- Rogall K. Gegenwärtiger Stand und Entwicklungstendenzen der Lehre von den strafprozessualen Beweisverboten. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. 1979;1:1-44.
- Roxin C. Strafprozeßrecht: Prüfe dein Wissen. München; 1982.
- Roxin C. Strafverfahrensrecht. München; 2012.
- Savitsky VM. Before the jury: Guilty or innocent? Moscow; 1995. (In Russ.).
- Schröder S. Beweisverwertungsverbote und die Hypothese rechtmäßiger Beweiserlangung im Strafprozeß. Berlin; 1992.
- Spence MJ. The Complexity of Success: the U. S. Role in Russian Rule of Law Reform. *Carnegie Papers*. 2005;60:1-19.
- Strogovich MS. Material truth and judicial evidence in the Soviet criminal process. Moscow; 1955. (In Russ.).
- Thaman SC, (ed.). Exclusionary Rules in Comparative Law. Springer; 2013.
- Vladimirov LE. The Doctrine of Criminal Evidence. Tula; 2000. (In Russ.).
- Vyshinsky AY. The theory of judicial evidence in Soviet law. Moscow; 2006. (In Russ.).
- Wigmore JH. A Treatise on the System of Evidence in Trials at Common Law. Vol. III. Toronto; 1905.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коновалов Сергей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
д. 1, Ленинские горы, ГСП-1, г. Москва 119991, Российская Федерация
sgkonovalov@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey G. Konovalov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
sgkonovalov@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 15 февраля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 12 марта 2026 г.

Принята к печати 15 июля 2026 г.

Received 15.02.2025.

Revised 12.03.2026.

Accepted 15.07.2026.